

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ XXXIV.

Редактировалъ д. чл. А. Д. Рудневъ.

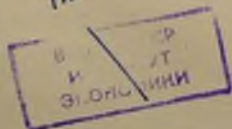
СБОРНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЯ

Григорія Николаевича

Потанина.

«Съ портретомъ, 7 отдѣльными таблицами, 5 рисунками въ текетѣ, нотами и картой».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. О. Кирибаума (отдѣленіе), Новонсаакіенская, 20.

1909.

Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина.

Ц. Ж. Жамцарано.

Онгоны агинскихъ бурятъ.

Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III, подъ руководствомъ Д. А. К л е м е н ц а, собраны и собираются богатѣйшія коллекціи по шаманству среди сибирскихъ инородцевъ-бурятъ, тунгусовъ, минусинскихъ инородцевъ, алтайцевъ, остяковъ, якутовъ и пр. Когда откроется этнографическій музей, эти коллекціи помогутъ ученымъ понять и изучить шаманство. Мы же пока дадимъ описаніе нѣсколькихъ онгон'овъ, собранныхъ нами по порученію Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III—въ 1905 г. среди агинскихъ бурятъ (Забайкальской области, Читинскаго уѣзда)—въ районѣ падей Адгаликъ, Шандали, Хужертай, населенныхъ бурятами бодонгутскаго рода. Нами была собрана довольно богатая и очень цѣнная коллекція. За неимѣніемъ мѣста и времени намъ здѣсь пришлось ограничиться лишь описаніемъ онгоновъ (изображеній духовъ) въ связи съ тѣми, кто на нихъ изображенъ, оставивъ въ высшей степени интересныя шаманскія принадлежности, какъ головные уборы, бубны, бичи, трости, зеркала, амулеты и прочее.

Онгоны наши интересны еще тѣмъ, что они собраны среди буддйскаго населенія, гдѣ имѣются дацаны, школы по буддйской философїи, тибетской медицинѣ, символикѣ и сотни ламъ. Шаманство въ годъ нашей поѣздки даже пыталось возродиться насчетъ господствующаго буддизма. Подъ предлогомъ отчаянія отъ ужасной засухи и неурожая, были восстановлены въ широкомъ масштабѣ кровавыя шаманскія жертвоприношенія тэнгріямъ (небеснымъ богамъ), усиленъ былъ исчезающій культъ онгоновъ, который существовалъ въ видѣ слѣдовъ прежняго шаманства, нѣсколько лицъ были посвящены въ шаманы и т. д.

Въ одномъ только небольшомъ районѣ Шандали было принесено въ жертву до 200 овецъ въ теченіе почти одной недѣли. Въ другихъ районахъ Агинской степи также держалось шаманство, но особенной попытки возрожденія не проявляло.

Отзывчивость шандалинцевъ къ шаманству объясняется тѣмъ, что бодонгутцы являются выходцами изъ долинъ рѣки Хилокъ, гдѣ до сихъ поръ шаманство не исчезло, а во время переселенія бодонгутцевъ, лѣтъ 50 тому назадъ, шаманство было еще въ силѣ. И происхожденіе нижеописанныхъ онгоновъ объясняется бурятами тѣмъ, что онгоны (духи) прибыли съ р. Хилокъ вмѣстѣ съ переселенцами, спрятавшись въ переметныхъ сумахъ, въ сундукахъ, мѣшкахъ и т. п.

Описываемые онгоны зарегистрированы нами въ коллекціяхъ Музея подъ № 83. Въ скобкахъ поставленъ № регистраціи. Приложенные снимки сдѣланы фотографомъ этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III—г. А. Н. Павловичемъ, за что выражаемъ ему глубочайшую благодарность. За неимѣніемъ мѣста—пришлось ограничиться немногими снимками

I (59) *дабай* (дабай)—представляетъ собой куклу бурятской дѣвицы (рис. 1). Одежда изъ синей дабы, черезъ лѣвое плечо надѣта красная лента—«орхимжи» (знакъ обѣта воздержанія у буддистовъ). Шапка и отвороты рукавовъ черныя бараньковыя; поясъ красный; на шею подвѣшены раковина *Cypraea moneta* и двѣ цвѣтныя бусы. Къ затылку куклы пришить ремешокъ для при-

крѣпленія онгона къ стѣнѣ юрты. Ростъ онгона—18,5 см. Онгонъ изображаетъ дѣвицу Дабай, прозванную за свою образованность учительницей—*бакшй*. Но буряты не могли мнѣ объяснить подробно, кто такая «Дабай» и почему, будучи буддисткой, она сдѣлалась онгономъ.

Онгонъ Дабай покровительствуетъ скотоводству, въ частности разведенію рогатаго скота.

Онгонъ хранится на хозяйкиной, то есть восточной половинѣ юрты.

II (60) *хэстэ*—«имѣющій бубень». Онгонъ (Рис. 2 и 3) сдѣланъ такъ: Въ обичайку миниатюрнаго шаманскаго бубна вставлена продольная деревянная перекладина, вырѣзанная въ видѣ фигуры мужчины. Къ шеѣ его прикрѣплена красная ленточка съ *Cyprea moneta*. Размѣръ изображенія бубна, по осямъ обичайки, 13 и 8,5 см.

Съ лицевой стороны бубна подвѣшена кожа съ тремя фигурками человѣчковыхъ,—изъ коихъ двое мужчинъ вырѣзаны изъ желѣзной пластинки, а одна—женщина сдѣлана изъ желтой мѣди. Кожа подъ фигурками разрѣзана. «Человѣчки» называются *ілтаһаң* и символизируютъ душу онгона. Надъ головами онгона, къ углу кожи прикрѣпленъ птичій пухъ—*урбелге*.

Для подвѣшиванья онгона къ верхней половинѣ бубна сдѣлана ременная петля.

Кого изображаютъ фигурки—сами владѣльцы не могли объяснить. Главная фигурка—деревянная—должна изображать великаго шамана, жившаго на горѣ Барханъ (въ Баргузинѣ). Имя забыто. На кожѣ изображены, по однимъ толкованіямъ, самъ Хэстэ, его дядя и дочь или жена Хэстэ; по другимъ толкованіямъ—изображена жена Хэстэ съ двумя слугами.

Онгонъ хэстэ дѣлается и почитается противъ болѣзней, сопровождаемыхъ воспаленіями и язвами, противъ дифтерита, сибирской язвы, сифилиса и пр.

Кормятъ онгона жирной пищей. Онгонъ хэстэ помѣщается внутри юрты, въ югозападномъ углу. Хэстэ держится вмѣстѣ съ онгономъ «*һолоңгото*».

III (61) *һолоңгото* (холоңгото)—«имѣющій холоңго» (видъ хорька). Къ шкуркѣ холоңго прикрѣплена женская фигурка изъ желтой мѣди; къ шеѣ и животу шкурки подвѣшены цвѣтныя

ленточки бумажной матеріи. Онгонъ подвѣшенъ къ колышку, который втыкается въ щель юрты.

Онгонъ холонгото изображаетъ великую шаманку. Но кого именно и за что—забыто. У шаманистовъ Иркутской губерніи холонгото является мужчиной, великимъ шаманомъ *эргил буга ноюн тулхэй*. Значеніе онгона холонгото то же, что и хэстэ.

Оба онгона хэстэ и холонгото весьма распространены среди всѣхъ шаманствующихъ бурятъ. Среди настоящихъ шаманистовъ бурятъ Иркутской губерніи, біографія онгоновъ извѣстна, но мы не имѣемъ права переносить эти данныя въ Агу, ибо каждое племя, каждый родъ понимаетъ и толкуетъ ихъ по своему. Мы должны довольствоваться тѣми матеріалами, какіе получены на мѣстѣ собирація.

IV (66) *хоиѡнгод*.—Онгонъ (Рис. 4) состоитъ изъ полоски кожи длин. 18, шир. 5 см., на которую прикрѣплены 8 желѣзныхъ и одно мѣдное изображеніе «человѣчковъ» и одна желѣзная собачка. «Человѣчковъ» должно быть 11 или 12. Подъ каждымъ человѣчкомъ кожа разрѣзана. Надъ головой каждого человѣчка торчитъ по птичьему перышку и треугольному кусочку краснаго сукна. Вдоль верхняго края кожи, подъ головами «человѣчковъ» протянута прядь конскихъ волосъ. Онгонъ отъ частаго кормленія страшно засаленъ. Слѣдующій хошонгод сдѣланъ иначе.

V (67). *хоиѡнгод*—состоитъ изъ 13 отдѣльныхъ «человѣчковъ» и 2 собачекъ. Причемъ, изъ «человѣчковъ» 7 мужчинъ сдѣланы изъ желѣза, а 6 женщинъ изъ желтой мѣди. Одна собачка сдѣлана изъ желѣза, другая изъ кошмы. Всѣ фигуры, въ отличіе отъ предыдущаго (IV) хошонгод, не прикрѣплены къ кожѣ, а положены въ войлочную (изъ кошмы) конвертовидную сумочку—дворецъ (*ордо*) (см. рис. 7). Часть «человѣчковъ» сдѣлана совѣтъ маленькими и обвернута овечьей шерстью. Очевидно, эти маленькіе изображаютъ дѣтей.

Хошонгод является однимъ изъ популярнѣйшихъ онгоновъ у племени хори-бурятъ. У другихъ племенъ, напр., хонгодоровъ, ахиридовъ, булгадовъ (бурятъ Иркутской губерніи) мы не встрѣчаемъ хошонгод.

О происхожденіи хошонгод нѣтъ определенныхъ данныхъ. Пока намъ извѣстно лишь слѣдующее:

Въ «Исторіи хори-бурятскаго народа» Ванданъ Юмцупова въ главѣ о шаманскомъ вѣрованіи¹, подъ § 48 говорится, что хошонгод дѣлается въ видѣ 9 мужскихъ, 1 женской и 1 собачьей фигуръ, а фигуры означаютъ охотниковъ и переводчиковъ тринадцати ноёновъ, обоготворяемыхъ хори-бурятами. Эти 13 ноёновъ обитаютъ кругомъ озера Байкала. По словамъ же современнаго агинскаго шамана Тухуренъ, Чингис-ханъ оставилъ на островѣ Ольхонѣ на одной скалѣ 13 рисунковъ: 1 свой и 12 своихъ сподвижниковъ—на память потомству. Хори-буряты первые установили обрядъ почитанія этихъ господъ (ноёновъ). Впослѣдствіи культъ 13 ноёновъ распространился широко.

По одному преданію, хошонгод изображаетъ 7 охотниковъ. Чингиса, потонувшихъ въ Байкалѣ, ихъ собаку и женъ, оставшихся живыми.

Онгонъ хошонгод покровительствуетъ скотоводству; онъ хранится на восточной половинѣ юрты.

VI (69) *шандагато*—«имѣющій шкуру зайца (ушкана)» (Рис. 5). Къ шкуркѣ бѣлаго зайца въ серединѣ прикрѣплено рисованное на шелковомъ лоскуткѣ изображеніе женщины; голова на парчѣ, лобъ и носъ изъ олова, глаза изъ бисеринокъ; волосы—изъ нитокъ. На ушахъ сережки, на шеѣ ожерелье изъ коралла, на груди—нагрудникъ (*гоу*) въ видѣ опрокинутой дуги. Къ рисунку приложенъ «женскій», т. е. мѣдный, *илтаһан*. На головѣ птичье перышко. Къ рисунку и къ ушамъ зайца привязаны ленточки. Заяцъ мордочкой подвѣшенъ къ березовой палочкѣ съ кошелькомъ для втыканія въ щель сарая. Къ онгону, въ качествѣ жертвоприношенія, приложенъ клѣтчатый платокъ—«шаль». Происхожденіе онгона *шандагато* въ районѣ изслѣдовація забыто. Онгонъ съ зайцемъ очень распространенъ среди шаманствующихъ бурятъ; встрѣчается среди турковъ (минусинскихъ инородцевъ). Въ каждомъ районѣ—свое пониманіе онгона *шандагато*.

¹ Въ монгольской хрестоматіи А. М. Поадидьова (СПБ. 1900 г. Изд. факульт. Восточн. яз. № 7), эта глава напечатана подъ заглавіемъ «Шаманскіе тексты» (стр. 293), а въ предисловіи къ книгѣ (стр. XIV), говорится, что тексты взяты изъ шаманской рукописи.

Шандагато почитается въ видахъ хозяйственнаго благополучія. Хранится въ амбарѣ, сараѣ, на дворѣ, а иногда и въ юртѣ.

VII (65, 68, 71 72) *хойморойхи* (хойморойхи)—«находящійся на сѣверной, т. е. супружеской половинѣ юрты» (Рис. 6). Опишемъ наиболѣе типичный экземпляръ (65): На лоскуткѣ зеленоватаго атласа нарисована фигура женщины, но лицо помѣщено на красной парчѣ. Лобъ, носъ, глаза, сережки и нагрудное украшеніе сдѣланы изъ олова. Ожерелье изъ коралла и ляписъ-лазурика. Волосы обозначены овечьей шерстью. Подъ ногами онгона столъ—*ширѣ*, надъ головой птичье перо. Къ рисунку приложенъ мѣдный *илтаһаң*. Къ шеѣ онгона прикрѣплены ленточки бѣлаго хадака и желтаго сырцоваго шелка. ШАПКА онгона бровая, отвороты рукавовъ изъ лисьяго мѣха. Съ задней стороны къ рисунку, въ видѣ подкладки пришить лоскутокъ красной шелковой матеріи. Длина онгона 13 см.

Онгонъ «хойморойхи» изображаетъ молодую бурятку, дѣлается наряднымъ и даже называется *гојо онгон*—нарядный онгонъ.

Экземпляры 68, 71 и 72 очень мало разнятся отъ только что описаннаго.

Онгоны хойморойхи хранятся въ кожаныхъ сумочкахъ. Въ сумочкахъ находятся остатки пищи, какъ то хлѣба, чая, сушеной пѣнки и пр.

О происхожденіи онгона хойморойхи мы имѣемъ такія свѣдѣнія (къ 68): Молодая бурятка Бугалин, дочь Унагана, жена Худай-Хоредоя, невѣстка Улукшона сошла съ ума и утопилась. Съ тѣхъ поръ и сдѣлалась онгономъ.

Другое преданіе гласитъ: онгонъ хойморойхи изображаетъ дѣвушку Бальжид, дочь шамана Бурту, рода Харнуд (не хори-бурятскій, а булгад-бурятскій родъ); она обитаетъ въ мѣстности Эрги-бургэ, гуляетъ по Элхэт-ундур; гдѣ находятся эти мѣста не извѣстно.

Онгонъ хойморойхи является супружескимъ онгономъ и дѣлается новобрачными ради семейнаго счастья и чадовитости. Дѣлаютъ и тогда, когда дѣти «не стоятъ», т. е. постоянно умираютъ.

VIII (64, 77 и 85) *хуге онгон*—«ребенокъ или дѣвушка онгонъ» (Рис. 8 и 9). Въ три №№ отличаются другъ отъ друга по своему исполненію. Экземпляръ первый (64) нарисованъ на лоскуткѣ синяго атласа, снабженъ мѣднымъ ілтахан. Глаза изъ олова; подъ ногами—ширѣ, надъ головой птичье перо—*урбелге*. Шапка и отвороты рукавовъ мѣховые. Къ шеѣ прикрѣплена ленточка бѣлаго хадак'а. Ни сережекъ, ни ожерелья нѣтъ. Экземпляръ второй (77)—миніатюрной величины, также нарисованъ на лоскуткѣ синяго атласа, подъ ногами ширѣ, на головѣ ясно виденъ вѣтвистый рогъ *јодор* (ѣдор), напоминающій дерево¹. Къ груди и пупку прикрѣплены ленточки хадака. Къ рисунку приложенъ мѣдный ілтахан. Надъ головой онгона—птичье перышко. Третій № (85) состоитъ изъ двухъ экземпляровъ, одинаково выполненныхъ. На лоскуткахъ синяго атласа нарисованы, очевидно, дѣтскія фигурки, съ пухлыми ногами и руками, на головѣ ѣдор, подъ ногами ширѣ. Нѣтъ ни ілтахан ни перышка, ни ленточекъ. Эти два экземпляра ближе къ смыслу ребенка-онгона.

Хуге онгоны хранятся въ кошемныхъ сумочкахъ. Относительно перваго (64) говорится, что онгонъ держится на сѣверной половинѣ юрты, а относительно второго (77)—на западной крышѣ юрты.

О происхожденіи хуге онгона мы имѣемъ такія свѣдѣнія. Онгонъ (77) изображаетъ дѣвочку Хулер, дочь Бороя, умершую отъ сумасшествія. Культъ дочерей Бороя, подъ видомъ культа «заян'овъ», сильно распространенъ среди бурятъ Иркутской губерніи и тамъ имѣются подробныя свѣдѣнія. По другому преданію, хуге онгонъ (85) изображаетъ бурятку Бишхан, дочь Амишхана, изъ мѣстности Хусотѣ, умершую отъ сумасшествія. Гдѣ находится эта мѣстность не извѣстно. Извѣстно лишь одно, что родина хуге онгона—Хориинское вѣдомство, Верхнеудинскаго уѣзда.

¹ Въ рисованные онгоны должны имѣть *јодор*, но по на всѣхъ экземплярахъ онъ виденъ.

Хуге онгон держать противъ сумасшествія, язвъ, ранъ, отъ дѣтской смертности и пр. Хозяйка онгона № 77, ламаитка— дала намъ очень характерный отвѣтъ. Она сказала:

— «Когда поумерли все наши дѣти, когда болѣзни и горе одолѣли нашу семью, были возстановлены обычаи предковъ и сдѣланы соответствующіе онгоны мы обратились къ шаманамъ исчерпавъ все средства у ламъ».

Хуге онгон вкушаетъ барановъ и козъ, обыкновенно въ степи. Уже послѣ кормленія въ степи приносятъ его домой и держать и кормятъ обычнымъ для всѣхъ почти онгоновъ образомъ, т. е. дѣлятся съ нимъ чаемъ, масломъ, сметаной, хлѣбомъ и пр. пищей, которою питается семья.

IX (83, 87). *хулбурйн узурейхи* (хулбурійн узурейхи)—«находящійся у ногъ постели (супруговъ)». На лоскуткѣ краснаго шелка нарисована фигура женщины, но голова—на парчѣ. Возлѣ женщины—фигура падающаго ребенка. Подъ ногами матери—ширѣ. Къ фигурѣ матери приложенъ мѣдный *илтаһан*. Къ поясу прикрѣпленъ пучекъ ленточекъ. Отвороты рукавовъ и шапка мѣховые. Надъ головой пушокъ степного орла (*тарбажи*). Украшеній нѣтъ.

Экземпляръ № 87 отличается тѣмъ, что ребенокъ стоитъ рядомъ съ матерью и подъ его ногами такое же ширѣ, какъ и у матери.

Онгоны хранятся въ кошменныхъ *ордо* (рис. 7). О происхожденіи онгона хулбурійн-узурейхи имѣемъ такія свѣдѣнія: Онгонъ № 83 изображаетъ молодую бурятку Таһай, дочь шамана Тарбажи, рода Харгана, имени Хори. Таһай умерла отъ несчастныхъ родовъ и сдѣлалась онгономъ.

По другому показанію, онгонъ (87) изображаетъ молодую бурятку Архан, дочь (или невестку) шамана Арбай, рода Хуасай, племени Хори. Архан, будучи еще дѣвушкой, имѣла любовника и забеременѣла, «обезчестила себя». Ее выдала замужъ въ послѣднемъ періодѣ беременности. Когда ее привезли къ жениху, молодые люди съ жениховой стороны стали смѣяться, говоря: «сегодня справимъ свадьбу, а завтра отпразднуемъ *милангуд* новорожденнаго». Молодая не вынесла позора и укрывшись а одѣяло, которое вмѣсто занавѣси было растянута передъ

кроватю молодыхъ супруговъ,—повѣсилась у ногъ постели. Ребенокъ выпалъ. Послѣ смерти Архан сдѣлалась онгономъ.

Онгонъ Хулбурійи-узурэйхи помогаетъ при трудныхъ родахъ не только у женщинъ, но и у овецъ, козъ и пр., а также содѣйствуетъ чадovitости.

Кормить онгона бараномъ, молочной пищей и пр.

X (76) *мэнгэлен басаган*—«дѣвица Мэнгэлен». Тѣло онгона изображено на красномъ шелку, голова на парчѣ. Носъ, лобъ, глаза, сережки и ожерелье изъ олова; шапка и отвороты рукавовъ изъ пушнины; къ шеѣ пришить пучокъ шелковыхъ ленточекъ. Онгонъ хранится въ кошечномъ ордо.

Относительно происхожденія онгона говорятъ: Мэнгэлен басаган есть пріемная дочь монгола Зандан Годой и родная дочь Зайлаг Тэнгрія (богача). Почему она стала онгономъ—неизвѣстно.

Держится онгонъ Мэнгэлен басаган ради рожденія и сохраненія дѣтей, а также противъ болѣзней съ язвами; кормятъ его бараномъ. Посвящаютъ онгону сивую козу, а шаману, совершившему обрядъ кормленія онгона, даютъ черную козу.

XI (88) *хүхү торгон дэгэлтү* — «онгонъ, имѣющій синюю шелковую одежду». На лоскуткѣ синяго атласа нарисована фигура женщины; къ рисунку приложенъ мѣдный ілтаһан и прикрѣплены бѣлыя ленточки. Подъ ногами ширэ. Онгонъ хранится въ обычномъ кошечномъ ордо.

О происхожденіи и значеніи этого онгона ничего неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе, онгонъ подъ псевдонимомъ «имѣющій синюю шелковую одежду» продолжаетъ пользоваться почетомъ.

XII (73, 74, 75). *улан дэгэлтү*—онгонъ «имѣющій красный костюмъ». Въ большомъ кошечномъ ордо находятся: 1) кукла дѣвицы въ красной шелковой одеждѣ; 2) кукла мальчика въ бѣлой барашковой одеждѣ и 3) кукла верблюда, сдѣланная изъ кошмы.

У дѣвицы глаза, носъ, сережки и ожерелье сдѣланы изъ свинца. Черезъ лѣвое плечо надѣта красная лента *орхимжи* (знакъ обѣта воздержанія у буддистовъ). Этотъ онгонъ представляетъ дочь Атан тэнгрія, спустившуюся съ неба и почти-тельно прозванную *Убасанса-баабай (бабай)* (монахиня дядюшка).

Атаи тэнгри въ хори-бурятскомъ шаманствѣ является покровителемъ богатства скотомъ, въ частности лошадьми. Длина онгона 26 см.

Вторая кукла—мальчикъ, со шнуркомъ на поясѣ у пупка, напоминаетъ бурятскаго мальчика, и изображаетъ сына Убасанса баабая. Почему то мальчика зовутъ бакши (*бакши*)—учитель. По другому показанію, эта маленькая кукла и въ самомъ дѣлѣ изображаетъ дядьку или учителя убасанса баабая.

Верблюды (*тэмэн*) изображаетъ того самаго верблюда, на которомъ оба онгона при жизни ѣздили и перевозили свой багажъ.

Онгона Улан дэгэлту держатъ ради дѣтей

Кормятъ черезъ каждые три года бѣлымъ бараномъ. Ёдокомъ является только бакши.

Хранятъ этотъ онгонъ на западной стѣнѣ юрты, снаружи.

XIII (78, 79). *абанхан убунхун хојор*—«онгоны Абанхан и Убунхун». На синей полоскѣ матеріи, длиною 37,5 см., нарисованъ Абанхан мужъ, но голова—на бѣлой матеріи. Ытаһан желѣзный. Длина рисунка 8 см.—На темнокрасной полоскѣ такого же размѣра нарисована жена—Убунхун; ѣтаһан мѣдный. Онгоны хранятся въ кошечномъ ордо, страшно засаленномъ. О значеніи нѣтъ свѣдѣній; кормятъ онгоновъ двумя баранамъ. Держатъ на западной стѣнѣ юрты.

XIV (80) *хамга ижі* (хамга яжи) или *шара торгон дэгэлту*—онгонъ «баба-матушка» или «имѣющій желтую шелковую одежду». На лоскуткѣ желтаго сырцоваго шелка нарисованы 4 человѣческія фигуры: 3 мужчины и 1 женщина. Фигуры снабжены соответствующими ѣтаһан. Трое мужчинъ, говорятъ, изображаютъ сыновей бабушки. Онгонъ хранится въ кошечномъ ордо. Держатъ его на крышѣ и въ юртѣ.

Данный экземпляръ онгона былъ слѣланъ ради спасенія дѣтей отъ эпидеміи.

При освященіи онгона, въ юртѣ былъ заколотъ жертвенный баранъ, на дворѣ совершено молебствіе, затѣмъ въ степи было еще жертвоприношеніе изъ барана и козла.

О происхожденіи онгона *хамга-яжи* свѣдѣній не имѣется.

XV (82) *ундур эзен* (ундур эзен)—«Высокій господинъ». На лоскуткѣ темносиней шелковой матеріи нарисованы четыре человѣческія фигуры, но головы—на бѣлой матеріи. Трое изъ нихъ изображаютъ мужчинъ и имѣютъ желѣзныя ілтахан, а одна фигура представляетъ женщину и имѣетъ мѣдный ілтахан. Онгонъ хранится въ кошечномъ ордо.

Первая мужская фигура изображаетъ самого Ундур эзен, великаго шамана Билик, сына Ширэльжена. Ундур эзен считается не только шаманомъ, но и славнымъ воиномъ (по одному показанію титулуются—Бишик ноён, дарга Бабай). Часто Ундур эзена зовутъ просто сѣдовласымъ папашей—*бурал бабай*. Слѣдующая фигура изображаетъ жену шамана, великую шаманку Бишик удаган (по другому показанію—билик удаган). Остальныя двѣ фигуры—сыновья Ундур эзена.

Ундур эзен считается очень солиднымъ и добрымъ духомъ и пользуется большимъ авторитетомъ среди хори-бурятъ. Мѣсто-пребываніе его находится на горѣ Шалсана, въ долинѣ р. Кежинга, хоринскаго вѣдомства, Верхнеудинскаго уѣзда.

Онгонъ Ундур эзен предохраняетъ отъ дѣтскихъ болѣзней и другихъ несчастій.

При освященіи онгона его кормятъ въ юртѣ бараномъ, а при молебствіи на дворѣ рѣжутъ барана и козла. Кромѣ того, онгону, для его ѣзды, посвящаютъ сиваго коня.

XVI (84) *награй бо*. (Награй бо) *нагалжін хатан*—«шаманъ Награй и супруга его Нагалжинъ». Шаманъ изображенъ на синей, жена на красной полоскѣ, а головы—на бѣлой полоскѣ, къ которой пришиты двѣ указанныя полосы. Ілтахан отсутствуетъ; надъ головой каждого торчитъ птичье перышко.

Точныхъ свѣдѣній о происхожденіи онгона нѣтъ. Извѣстно, что Награй былъ великимъ шаманомъ и обиталъ на Баргузинѣ. Этого Награя почитаютъ не только хори-буряты, но и эхирид и булгад-буряты.

Экземпляръ былъ найденъ брошеннымъ и о его значеніи свѣдѣній не получено.

XVII (81) *монгол*—онгонъ «Монголъ». На лоскуткѣ бѣлой бязи нарисованы 4 человѣческія фигуры—1 мужчиною и 3 жен-

щинъ. Къ каждой фигурѣ приложенъ соответствующій полутан. Онгонъ хранится въ кошечномъ ордо.

Дѣлають этотъ онгонъ ради сохраненія здоровыхъ и для исцѣленія больныхъ дѣтей. Кормятъ онгона бараномъ. Держать вѣ юрты.

О происхожденіи онгона монголъ свѣдѣній не получено.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ онгонахъ вообще.

Онгонами называютъ какъ самое изображеніе, такъ и того духа, который изображенъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ мы видимъ, онгонами становятся, главнымъ образомъ, умершіе шаманы, шаманки, ноёны или простые люди, кончившіе свою жизнь неестественною смертію, какъ-то повѣсившіеся, сумасшедшіе, погубившіе отъ трудныхъ родовъ и т. д. Могутъ быть предметомъ культа какъ единичныя лица, такъ и семьи и группы лицъ, и вообще всѣ тѣ, души которыхъ общаются быть полезными или вселяють суевѣрный страхъ, если ихъ не почитать.

По своимъ внутреннимъ качествамъ онгоны могутъ быть раздѣляемы на двѣ категоріи. Великіе шаманы, шаманки, ноёны и т. п. почтенныя лица становятся духами покровителями вѣрующихъ, защитниками отъ разныхъ несчастій. Эти духи являются эдзенами (господами) горъ, долинъ, озеръ и пр. Жертвоприношенія имъ носятъ характеръ торжественнаго подчиванія, угощенія, какъ существъ высшихъ и сильныхъ.

Другое дѣло духи низшаго разряда, т. е. умершихъ преждевременно, повѣсившихся, сумасшедшихъ и т. п. Они являются мелочными, придирчивыми, безсильными, но вредными. Они могутъ облюбовать какую нибудь семью и причинять вредъ, посылать болѣзни, свѣять раздоръ, поѣдать дѣтей и т. д. Сюда не относятся тѣ сумасшедшіе, которые обоготворены и имѣють небесное происхожденіе, напр., дочери *Борой—заяны*. Жертвоприношеніе низшимъ онгонамъ носитъ характеръ выкупа и совершенно осмысленно называется «кормленіемъ».

По своей популярности—онгоны могутъ быть весьма различны. Начиная съ племенныхъ и родовыхъ онгоновъ и кончая

улусными и семейными. Бываютъ онгоны чисто географическаго значенія, духи опредѣленныхъ мѣстностей. Они могутъ быть предметомъ культа всѣхъ мѣстныхъ жителей, независимо отъ того, какого рода и племени эти жители и эти онгоны.

Съ точки зрѣнія родового быта—онгоны могутъ быть «свои» (*халун*—теплые) и «чужіе» (*хари*).

Каждому онгону пріурочиваются особые обряды и традиціи.

По своему значенію онгоны могутъ быть весьма разнообразны. Выше въ текстѣ мы видѣли, что культъ того или иного онгона ставится въ связь съ хозяйственнымъ благополучіемъ, съ семейнымъ счастьемъ и съ болѣзнями. Но могутъ быть онгоны чисто спеціальнаго характера, напр., охотничьи, кузнечные и пр.

Земныхъ духовъ не надо смѣнивать съ богами—тэнгріями, обитающими на небесахъ, и полубогами, т. е. происходящими отъ тэнгріевъ съ одной стороны, или обоготворенныхъ за свои великія дѣла.

Боги-тэнгріи и полубоги (напр., 13 ноёновъ у хори бурятъ) почитаются обществомъ, или имъ «приносятъ жертву» всѣмъ обществомъ.

Чѣмъ выше по рангу духи и боги, тѣмъ рѣже воспроизводятъ ихъ изображенія. Тэнгріи, напр., не изображаются.

Однако солнце и луну принято изображать, въ видѣ лучезарныхъ круговъ. А у бурятъ Иркутской губерніи мы даже можемъ прослѣдить цѣлую эволюцію въ пониманіи солнца и луны, въ смыслѣ «очеловѣченія», начиная съ круговъ, изображающихъ непосредственно солнце и луну и кончая «эдзэн'ами»—хозяевами ихъ.

Мы подошли къ онгонамъ—изображеніямъ. Здѣсь скажемъ, что мы можемъ прослѣдить исторію развитія, такъ сказать, «онгонскаго искусства»—начиная съ грубыхъ статуй, деревянныхъ, глиняныхъ и кончая металлическими пластинками и рисунками на матеріи. Изображенія всегда грубы, но если сравнить технику изображеній онгоновъ у Агинскихъ бурятъ и Иркутскихъ бурятъ, то мы предпочтеніе отдадимъ первымъ. Кстати—напомнимъ, что у Агинскихъ бурятъ принято рисовать внѣшній контуръ тѣла онгона, а у Иркутскихъ—остовъ.

Матерія, на которой нарисованъ онгонъ, указываетъ на одежду. Если, напр., онгонъ нарисованъ на синемъ шелку, то

значить при жизни онъ ходилъ въ синей шелковой одеждѣ. Необходимо остановиться на шаманскихъ иконахъ (рисованныхъ онгонахъ). Мы видѣли металлическихъ человѣчковъ *илтахан*, птичье перо—*урбэлгэ*, рога на головѣ онгона—*јодор* и столъ подъ ногами—*ширэ*.

Илтахан, какъ мы уже говорили въ описаніи, символируетъ душу, духовную мощь онгона (*hijñhe-hylde*). У бурятъ Иркутской губерніи намъ не приходилось различать мужской и женскій *илтахан*. Тамъ *илтахан* главнымъ образомъ дѣлается изъ жести какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ фигуръ. Встрѣчаются и желѣзные *илтахан*. У Агинскихъ бурятъ—желѣзо считается мужскимъ, а желтая мѣдь—женскимъ металлами.

Ўрбэлгэ.—Относительно птичьихъ перьевъ надъ головой намъ приходилось слышать, что перья показываютъ на способность онгоновъ летать по воздуху. Мы напомнимъ только, что шаманская шапка у бурятъ и турковъ (соѣтовъ, найти) часто дѣлается изъ птичьихъ перьевъ, и тогда сильно напоминаетъ шапки краснокожихъ индѣйцевъ. Потомъ желѣзная корона шамана—*майхаби* (майхабиши) украшается птичьимъ перомъ; точно также часто и кисть шаманской шапки *малгай*.

Јодор—то, что торчитъ, рога на головѣ онгона. Говорятъ, что *јодор* свидѣтельствуетъ о силѣ, божественности онгона. Но мы и здѣсь напомнимъ также, что шаманская желѣзная корона—майхабиши, напоминающая, кстати, боевой шлемъ безъ пластинокъ, дѣлается съ двумя рогами, а каждый рогъ имѣетъ вѣтви—отъ трехъ до двѣнадцати. Въ нашихъ онгонахъ *јодор* напоминаетъ кустикъ, выросшій на макушкѣ онгона, а у Иркутскихъ бурятъ *јодор* дѣлается въ видѣ трехъ торчащихъ вверхъ прямыхъ роговъ.

Ширэ—жертвенный столъ. У нашихъ онгоновъ рисунокъ мало напоминаетъ столъ, но у Иркутскихъ бурятъ столъ дѣлается съ ножками и напоминаетъ русскіе столы. О *ширэ* подъ ногами онгона говорятъ, что *ширэ* показываетъ, на чинъ онгона, именно, что онъ «былъ возведенъ» въ то почетное положеніе, какое занимаетъ теперь. И здѣсь мы напомнимъ, что возведеніе шамана въ высшую степень сопровождается *ширэ*,—это съ одной стороны, и существуетъ особый обрядъ жертвоприношеній умершимъ шаманамъ—ставить столъ: *ширэ табихо*.

Мы не осмѣливаемся, конечно, утверждать категорически, но на основаніи сказаннаго можно предполагать, что урбалгъ, јодор и ширѣ находятъ свое отраженіе въ шапкѣ, коронѣ и столѣ шамана, или вѣрнѣе наоборотъ, шаманъ, послѣ смерти—сохранилъ на рисункѣ слѣды своей шапки, короны и стола. Но распространеніе этихъ трехъ признаковъ на онгоновъ «не шамановъ» не позволяетъ намъ настаивать на указанномъ предположеніи.

Мы прекрасно сознаемъ, что онгоны наши во многихъ отношеніяхъ не освѣщены вовсе, или очень недостаточно освѣщены. Мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ достаточными фактическими матеріалами, ни временемъ, ни мѣстомъ, чтобы много распространяться.

Изъ описанія онгоновъ мы видѣли, что ихъ держатъ ради полученія совершенно конкретной выгоды хозяйственнаго или семейнаго благополучія или ради исцѣленія больныхъ, ради спасенія дѣтей отъ эпидеміи, отъ трудныхъ родовъ и т. д. Медицинское значеніе онгоновъ преобладаетъ. Темное населеніе, вмѣсто раціональной медицинской помощи, принуждено сперва обращаться къ ламамъ, а отчаявшись въ нихъ, обращается къ шаманамъ и онгонамъ. При другихъ условіяхъ такое явленіе было бы невозможно. Не будь народъ такъ невѣжественъ, будь у него близкая и доступная хорошая врачебная помощь—реальная цѣнность большинства онгоновъ исчезла бы. Будь хорошія акушерки—не дѣлала бы онгоны *Хулбурѣн-узурѣйхи* (IX). А будь на мѣстѣ хорошій медицинскій пунктъ, съ отдѣленіемъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, будь хорошо организована борьба съ эпидеміями—дифтеритомъ, оспой и пр., были бы совершенно лишними онгоны II, VII, VIII, X, XII, XIV, XV и XVII; будь хорошая экономическая обезпеченность и устойчивое хозяйство, раціональное скотоводство—не было бы онгоновъ I, IV, V, VI и т. д.

Тьма царитъ въ степи. И эта тьма, это невѣжество, эта безпомощность въ степи поддерживается неблагоприятными условіями. До сихъ поръ у бурятъ нѣтъ ни одной общеобразовательной школы, доступной массѣ, школы, гдѣ бы знанія передавались на родномъ языкѣ, нѣтъ у бурятъ учителей, способныхъ создать и вести чисто бурятскую школу. И, быть можетъ,

еще долго буряты будутъ лечить своихъ больныхъ посредствомъ кровавыхъ жертвоприношеній, культа онгоновъ, шаманскихъ камланій, ламскихъ, дорого стоящихъ гурумовъ, отчитываній священныхъ книгъ, подаеній въ дацаны и ламамъ и проч.

СПБ., 15 апрѣля 1908 г.

Рис. 1. Овгонъ дабай (I).

Рис. 2. Олгонъ хэстэ (II).

Рис. 1. Охотник, яаган (1).

Рис. 2. Оулгопъ хэстэ (11).

Рис. 3. Онгогъ хэстэ (II).

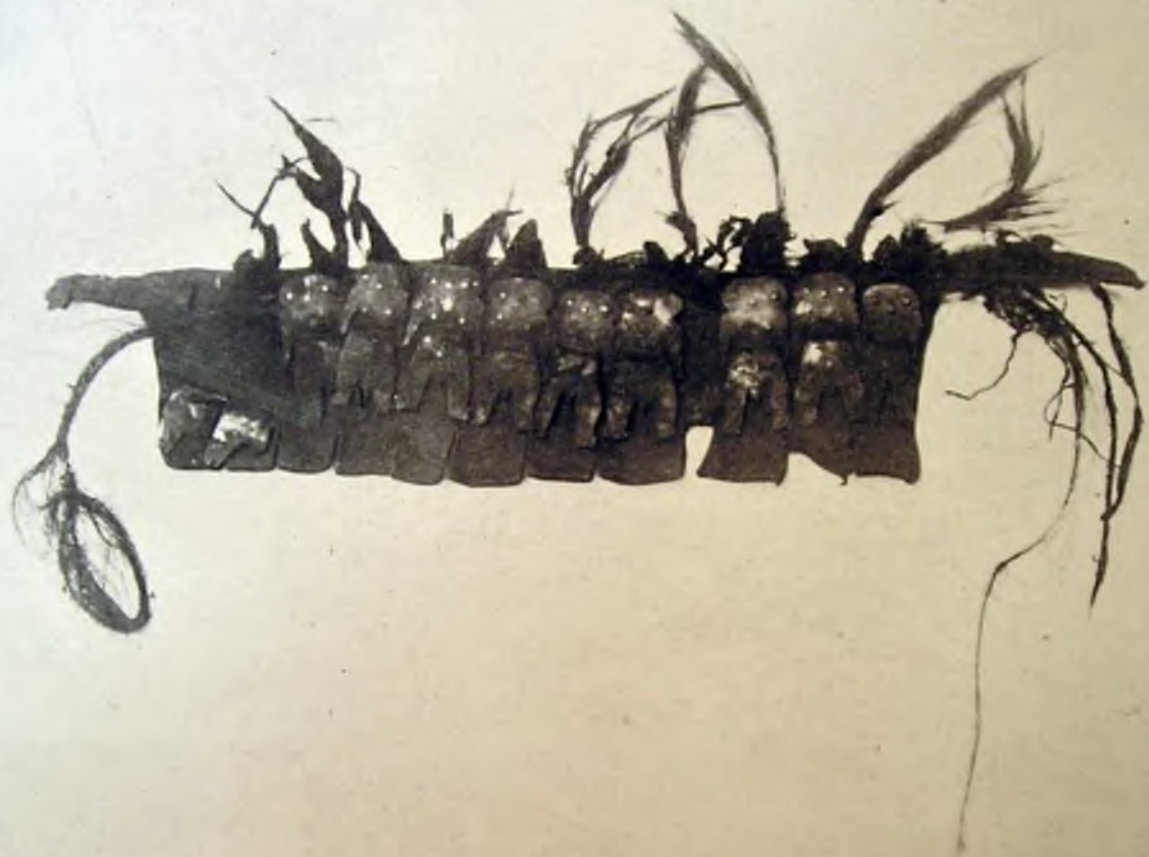

Рис. 4. Онговъ хошонгод. (IV).

Рис. 5. Онгонъ шандарато (VI).

Рис. 6. Онгонъ хойморойхи (VII).

Рис. 7. Ордо (Сумка для хранения онгоновъ).

Рис. 6. Онгонъ хойморойхи (VII).

Рис. 7. Ордо (Сумка для хранения онгоновъ).

Рис. 9. Хуге-онгонь (VIII).

Рис. 8. Хуге-онгонъ (VIII).

Рис. 9. Хуге-онгонъ (VIII).

Рис. 8. Хуге-онгонъ (VIII).